

Анализ пронаталистской семейной политики в СССР в 1940-х – 1960-х годах¹

Мие Накачи
(mienakachi@gmail.com),
Университет Хоккайдо, Япония.

An analysis of pronatalist politics in the USSR in the postwar period²

Mie Nakachi
(mienakachi@gmail.com),
Hokkaido University, Japan.

Резюме: Потери СССР в результате Великой Отечественной войны составили 27 млн человек или даже более по некоторым оценкам – самое большое количество в мире, и эти огромные жертвы стали ударом по демографической ситуации в стране. Для скорейшего возмещения убыли и ускорения роста рождаемости советская власть осуществляла пронаталистскую политику, в рамках которой 8 июля 1944 г. был принят Указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» (далее Указ).

Малоизвестным является тот факт, что автором проекта Указа был Н.С. Хрущёв, в то время являвшийся Председателем Совета народных комиссаров Украинской ССР (в 1947-1949 гг. – Первый секретарь Компартии Украины). Анализ проекта Указа и сопроводительной справки позволяет сделать вывод о том, что главной целью Указа было не заявленное увеличение помощи женщинам и матерям, а повышение рождаемости путем различных мер, в том числе среди незамужних молодых девушек и вдов. Данная статья содержит анализ пронаталистских мер, содержащихся в Указе, их влияния на гендерные отношения, решения о создании семьи и репродуктивное поведение советских людей. Несмотря на указанную в заглавии документа цель защиты интересов и благосостояния женщин, он скорее способствовал защите мужских интересов.

Поэтому этот законодательный акт в результате оказал негативное влияние на гендерные отношения, устойчивость семьи и благосостояние женщин и детей. Советские эксперты и общественность пытались исправить ситуацию, но не все их попытки были успешными, и ускорить процесс пересмотра Указа никак не удалось. Как показывают результаты анализа, изложенные в данной статье, успех зависел от умения представить руководству страны пронаталистскую логику на основе данных статистики.

Анализ ситуации, сложившейся в результате принятия Указа позволяет нам также оценить послевоенную семейную политику в целом. Поскольку количественный демографический анализ осложнен тем, что в первые послевоенные десятилетия в СССР не было систематизированного сбора статистических данных о семейном состоянии, в своем исследовании гендерной и социальной истории мы сочетали различные источники информации, в том числе почерпнутые в государственных архивах, в средствах массовой информации того времени, дополняющие сегментированные статистические данные. Такой подход позволяет выявить описательные и качественные детали социального феномена, в том числе развития семьи и гендерных отношений. Эта методика дает возможность углубить понимание послевоенной жизни советских людей и расширить возможности всесторонней оценки влияния Указа на социальную жизнь и демографическое поведение людей в СССР в тот период.

Ключевые слова: рождаемость, пронатализм, Указ 1944 г., семья, гендер, аборт, Хрущёв, Ковригина, Великая Отечественная война.

Для цитирования: Накачи, М. (2022). Анализ пронаталистской семейной политики в СССР в 1940-х – 1960-х годах. Демографическое обозрение, 9(1), 34-55. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i1.14572>

¹ Эта статья является попыткой представить наиболее важные материалы и выводы из более детального и всестороннего анализа, изложенного в моей книге Nakachi M. (2021). *Replacing the Dead: The Politics of Reproduction in the Postwar Soviet Union*. New York: University of Oxford Press.

² This article is an attempt to present the most important material and conclusions from the more detailed and comprehensive analysis presented in my book Nakachi M. (2021). *Replacing the Dead: The Politics of Reproduction in the Postwar Soviet Union*. New York: University of Oxford Press.

Благодарности: *Выражаю благодарность сотрудникам архивов ГАРФ, РГАЭ, РГАСПИ и ЦММЛС. Я также благодарю двух анонимных рецензентов, конструктивные критические замечания которых помогли улучшить статью.*

Abstract: *The USSR lost 27 million people as a result of the Great Patriotic War-- the highest death count of any country. This great sacrifice threatened terrible demographic consequences, both immediate and long-term. In order to replace the dead as well as accelerate fertility growth further, the Soviet government introduced a pronatalist policy, in the form of the Order of July, 8, 1944, entitled "On increasing government support for pregnant women, mothers with many children, single mothers, and strengthening protection of motherhood and childhood; on the establishment of the honorary title 'Mother Heroine,' the foundation of the order 'Motherhood Glory,' and the medal 'Motherhood Medal' ."*

This article uses archival materials from GARF and RGASPI to prove that the author of the draft Ukaz was Nikita S. Khrushchev, who at the time was the first secretary of the Communist Party of Ukraine. An analysis of the Order's draft and accompanying informational note shows that the main purpose of the Order was not to increase support for women and mothers, as stated in the Order, but to increase fertility through various measures, including the encouragement of births among unmarried young girls and widows. This paper presents an analysis of pronatalist measures included in the Order, their influence on gender relations, decisions about the formation of family, and reproductive behaviors among Soviet citizens. Although the Order title suggested that women would be aided, in fact the measures were mainly designed to protect male interests.

As a result, this decree had a negative influence on gender relations, family stability, and the welfare of women and children. Soviet experts and public opinion attempted to improve the situation, but not all of these efforts were successful. As the results of the analysis presented here show, success depended on the ability to present pro-natalist logic to the leadership of the country on the basis of statistical data.

Analysis of the situation resulting from adoption of the Decree also allows us to evaluate post-war family policy as a whole. Since quantitative demographic analysis is complicated by the fact that in the first post-war decades in the USSR there was no systematic collection of statistical data on family status, in our study of gender and social history we combined various sources of information, including those gleaned from state archives and the mass media of the time, complementing the segmented statistics. This approach makes it possible to reveal descriptive and qualitative details of a social phenomenon, including family development and gender relations. It allows us to deepen our understanding of the post-war life of the Soviet people and expand the possibilities of a comprehensive assessment of the impact of the Decree on the social life and demographic behavior of people in the USSR at that time.

Keywords: *fertility, pronatalism, 1944 Family Law, family, gender, abortion, Khrushchev, Kovrigina, Great Patriotic War.*

For citation: *Nakachi, M. (2022). An analysis of pronatalist politics in the USSR in the postwar period. Demographic Review, 9(1), 34-55. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i1.14572>*

Acknowledgments: *I express my gratitude to the staff of the archives of GARF, RGAЕ, RGASPI and TsMAMLS. I am also very grateful to two anonymous peer reviewers, whose critical and constructive comments helped improve this paper.*

В результате Великой Отечественной войны СССР, согласно официальной оценке, потерял 27 млн человек. По некоторым оценкам демографические потери были на несколько миллионов больше. Это самые большие жертвы в мире, гораздо большие, чем в Германии (6 млн человек) и Японии (3 млн). Эти огромные потери стали ударом по демографической ситуации в стране. Послевоенное восстановление хозяйства также принесло много страданий и потребовало чрезвычайного напряжения усилий от советского общества. Для того чтобы «обеспечить в кратчайший срок не только возмещение этой убыли населения, но и обеспечить дальнейший его ускоренный прирост»³, советская власть осуществляла политику поощрения рождаемости, в рамках которой был принят Указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» от 8 июля 1944 г. (далее Указ) (Сборник законов СССР 1968).

Однако за прошедшие с тех пор 75 лет этот Указ еще не получил всесторонней оценки. В конце 1960-х годов один известный советский экономист и демограф высказал уверенность в том, что Указ способствовал увеличению рождаемости (Сонин 1967). В то же время другие специалисты настроены более скептически, особенно, имея на руках результаты масштабных исследований по реконструкции демографической истории России, развернувшихся в постсоветский период. Так, демограф М. Тольц писал: «...реальное демографическое значение мер, введенных Указом 1944 г., быстро сошло на нет»; он характеризовал этот документ как средство «тоталитарного управления семьей» (Тольц 2014: 159-162). А.Г. Вишневский писал, что Указ сыграл «роль ширмы, сделавшей недоступными для государственной статистики и укрывшей от общественного мнения, все явления, о которых не хотели говорить вслух», и считал, что он не изменил «демографические реалии» после войны (Вишневский 2016: 20). Эти мнения говорят о том, что для всесторонней оценки Указа необходим ответить на два вопроса.

Первый вопрос касается количественной оценки роли Указа, а именно: способствовал ли он росту рождаемости? Второе – качественная оценка последствий: каким образом Указ повлиял на образ жизни советских людей? Количественный демографический анализ осложняется тем, что в послевоенном СССР не было четкой системы сбора статистических данных о семейном состоянии, в частности, переписи 1939, 1959, и 1970 г. не содержали детальных данных о брачно-семейном состоянии населения, их программы были значительно беднее по сравнению с предыдущими и последующими переписями (Вишневский, Захаров 2010). Кроме того, вплоть до отмены запрета на аборт в 1955 г. статистика по абортам также была неполной и недостаточно надежной (Avdeev, Blum, Troitskaia 1995). Да и имевшаяся, казалось бы, надежная статистика не всегда отражала реальное положение дел: ярким примером этого является статистика разводов. Во время и после войны многие супружеские отношения прекращались, однако часто люди не могли или не пытались официально расторгнуть брак, так как эта процедура была значительно осложнена Указом от 1944 г. Таким образом, частота разводов оставалась низкой вплоть до 1965 г., когда эта процедура была упрощена (Тольц 2014: 160-165; Вишневский 2016: 20).

³ ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 497: 164. «Справка о мероприятиях по увеличению народонаселения СССР».

Каким образом мы можем в настоящее время оценить значение послевоенной пронаталистской политики и реальность послевоенной жизни, не имея полной статистической картины?⁴ Здесь нам представляется полезным сочетание исследований в области гендерной и социальной истории, которые дают описательные и качественные детали социальных феноменов, в том числе развития семьи и гендерных отношений. Такая методика углубит наше понимание послевоенной жизни советских людей и расширит наши возможности оценки всестороннего влияния Указа на социальную жизнь в СССР.

Данная статья содержит описательные материалы, способствующие более глубокому пониманию процесса формирования послевоенной семьи и гендерных отношений. В ней содержится анализ послевоенной демографической политики и ее последствий для гендерных и семейных отношений. В центре нашего внимания Указ от 8 июля 1944 г. – главный документ семейной политики пронаталистской направленности, инициатором разработки которого был Никита Сергеевич Хрущёв⁵. В первой части статьи содержится анализ проекта указа и справки, подготовленных Хрущёвым и его командой в тот период, когда он еще находился на Украине. Анализ этих документов показывает, что главной целью этой меры было не «увеличение помощи женщинам и матерям» (так говорится в опубликованном Указе), а «увеличение народонаселения страны», как прямо сказано в секретной справке⁶.

Вторая часть статьи посвящена процессу переработки проекта Хрущёва до его обнародования, в ходе которого при участии различных ведомств и представителей руководства страны в документ были внесены значительные изменения, демонстрирующие определенные профессиональные и политические интересы разработчиков. В следующей части статьи говорится о том, как данный Указ повлиял на гендерные отношения, принятие советскими людьми решений относительно своего семейного положения, а также на благополучие женщин и детей.

В последней части рассматриваются попытки советских специалистов и общественности исправить негативное влияние послевоенной пронаталистской политики:

⁴ Демографы пытались различными путями преодолеть недостаток переписной и другой официальной статистической информации. К примеру, Микроперепись 1994 г., охватившая около 5% населения Российской Федерации, предоставила возможность ретроспективного изучения связи между рождаемостью и брачным состоянием многих поколений россиян (Scherbov, van Vianen 1999). Хотя подобные исследования чрезвычайно полезны для понимания взаимосвязи между рождаемостью и семейным положением по самоопределению у женщин (и у мужчин) на основе их воспоминаний о прошлом, они не выявляют возможный разрыв между официальным брачным статусом и семейным положением респондентов по их самоопределению. Так Р.И. Сифман отмечала, что женщины имеют тенденцию идентифицировать себя как состоящих в браке в момент рождения ребенка, что особенно характерно было для поколений, деторождение которых пришлось на период между 1926 и 1944 г., когда действовал закон, признающий фактические (незарегистрированные) союзы наряду с юридически оформленными браками (Сифман 1974: 55-56). Одно из моих исторических исследований было специально посвящено изучению вопроса о том, как разрыв между официальным брачным статусом женщины и статусом по ее самоопределению влияет на репродуктивные решения (Nakachi 2011).

⁵ Этот факт отмечался раньше в некоторых материалах (Juviler 1967: 31), но наша работа впервые содержит анализ архивных материалов об инициативе Хрущева и развитии послевоенной демографической политики.

⁶ Анализ Хрущёвского проекта семейного законодательства и справка с обоснованиями вносимых изменений были впервые опубликованы в работе (Nakachi 2006).

юристы, врачи и партийные деятели (в большинстве женщины), осознавшие негативные последствия Указа для женщин и детей, неоднократно требовали внесения поправок в законодательство для их защиты, некоторые из которых были приняты. Проанализировав причины того, почему некоторые из них были приняты, а другие отвергнуты, мы приходим к выводу, что успех зависел от умения представить руководству страны свои предложения, сохранив пронаталистскую логику на основе детальной статистики. Врачи, в распоряжении которых имелись данные медстатистики, смогли доказать, что запрет на аборт, принятый в 1936 г., был контрпродуктивной мерой для улучшения здоровья женщин и роста рождаемости⁷. Юристы же и общественность в основном опирались на логику обеспечения благосостояния женщин и детей без опоры на детальную информацию о реальном положении дел, которая могла стать доказательной базой негативного влияния Указа на состояние рождаемости.

Проект Указа и справка Н.С. Хрущёва

Из 27 млн общего количества жертв войны около 20 млн составляло мужское население (Зубкова 2010). Это повлекло за собой ухудшение демографического баланса между женщинами и мужчинами и ограничивало возможности восстановления рождаемости. Как известно, во время Великой Отечественной войны Хрущёв руководил Украиной и оставался на посту первого секретаря ЦК Компартии Украины несколько лет после войны (Ивкин 1999: 578) – именно тогда в Москве советское руководство обсуждало проблему демографических последствий войны и необходимости разработки новой семейной политики пронаталистской направленности.

13 апреля 1944 г. Хрущёв послал Вячеславу Молотову проект Указа «Об увеличении государственной помощи роженицам и многодетным и усилении охраны материнства и детства», сопроводительное письмо и справку «О мероприятиях по увеличению народонаселения СССР»⁸. Наряду с проектом Хрущёва к Молотову поступали и другие предложения, например проект Наркомздрава⁹. Однако проект Хрущёва сильно отличался по многим аспектам: так, если другие разработчики предлагали расширить перечень пособий и увеличить размер материальной помощи беременным и матерям, то проект Хрущёва, наряду с аналогичными мерами, включал и новые идеи.

Отметим здесь три наиболее важных момента.

Первое: идея о том, что в рамках новой концепции пронатализма для роста численности населения необходимо всеобщее участие (не только женщин, но и мужчин) и о необходимости увеличения числа женщин, имеющих не семерых, как требовал семейный закон 1936 г., а трёх и более детей. Второе: стимулирование рождаемости среди незамужних женщин и вдов. Третье: ужесточение наказаний в случаях практик, ведущих к уменьшению рождаемости.

⁷ Советский Союз стал первой страной в мире, легализовавшей аборт по желанию в 1920 г., но они вновь попали под запрет в 1936 г. История политики в области аборта и контрацепции представлена в следующих работах: (Goldman 1993; David, Popov 1999; Здравомыслова, Тёмкина 2009; Денисов, Сакевич 2014; Sakevich, Denisov 2014; Вишнеvский, Сакевич, Денисов 2016; Nakachi 2016; Вишнеvский, Денисов, Сакевич 2017).

⁸ ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 497: 164-195.

⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 387: 18-39.

Первое. Суть довоенной пронаталистской политики состояла в увеличении числа многодетных матерей, запрещении аборт и усложнении процедуры расторжения брака. По семейному закону 1936 г. государственные пособия выдавались многодетным матерям только после рождения седьмого ребёнка. Этот закон также запретил аборты, легализованные с 1920 г., и отменил принятую в 1926 г. упрощенную процедуру развода, при которой развод можно было оформить в ЗАГСе по одностороннему желанию одного из супругов. Закон же 1936 г. обязывал обоих супругов, расторгающих брак, присутствовать в ЗАГСе и получать отметку в появившихся к тому времени паспортах обоих разведённых¹⁰.

О пособиях, полагаемых многодетным матерям по закону 1936 г., в справке Хрущёва говорилось: «Стимулирующее значение этого пособия недостаточно эффективно». Хрущёв считал, что в воспроизводстве населения главная роль принадлежит не многодетным семьям с семью и более детьми, а семьям с тремя детьми, – если это станет стандартной практикой для советской семьи, то именно тогда можно будет «вступить на путь воспроизводства населения»¹¹. Женщинам, имеющим троих детей, Хрущёв предложил назначать государственные пособия.

Проект включал не только новые виды вознаграждений, но и «штрафные санкции» за недостаточный вклад в воспроизводство населения со стороны как мужчин, так и женщин: предлагалось ввести налог на однодетных супругов. В 1941 г., опять же по инициативе Хрущёва, государство ввело налог на холостых, одиноких и бездетных граждан, доходы от которого пошли на пособия матерям и воспитание детей в детских учреждениях¹². Согласно проекту средства от нового налога должны были быть использованы на поддержку воспитанников детдомов и домов ребёнка, количество которых в результате введения проекта по прогнозам должно было значительно увеличиться, поскольку матери получали право бесплатно и в любое время сдавать родившихся детей в эти детские учреждения¹³.

Второе. Проект содержал новую идею о «стимулировании деторождения женщинами, не состоящими по тем или иным причинам в браке (вдовы погибших на войне, девушки, не вышедшие замуж)». Целью этой идеи было обеспечить «в кратчайший срок не только возмещение убыли населения, но и его дальнейший ускоренный прирост»¹⁴. Для ее реализации предлагалось внести ряд изменений в семейное законодательство. Отметим, что, с одной стороны, эти изменения могли активно подталкивать мужское население к внебрачным отношениям, а с другой – не только не добавили, но и снизили стимулы для женщин рожать как можно больше детей вне брака.

По существовавшему законодательству родившая ребёнка вне брака женщина могла требовать алименты от биологического отца, однако многие мужчины уклонялись от их выплаты. Платившие алименты жаловались на непомерную финансовую нагрузку:

¹⁰ О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах (1936). *Правда*, 28 июля.

¹¹ Эта идея остается распространенной и сегодня.

¹² Указ от 21 ноября 1941 г. «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР» (Сборник законов СССР 1968: 304-305).

¹³ ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 497: 171-174.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 497: 164, 166.

по закону 1936 г. размер алиментов составлял одну четвёртую часть от зарплаты на первого ребёнка, одну третью на двух детей и половину – на троих и более детей. Хрущёв считал это серьёзным препятствием для увеличения рождаемости и настаивал на отмене алиментов на внебрачных детей и внесении соответствующих поправок в законодательство.

Итак, проект предполагал внесение следующих поправок:

- только официально зарегистрированный брак может быть признан законным. Отец внебрачного ребёнка не несёт ответственности за выплату алиментов, его имя не вносится в «Свидетельство о рождении», а внебрачный ребёнок должен носить фамилию матери «с присвоением ему отчества по указанию матери»¹⁵;
- мать может регистрировать ребёнка на свою фамилию «с присвоением ему отчества по её выбору». Прилагаемая справка содержала разъяснения: «Матери, не состоящие в браке, освобождаются... от необходимости взыскивать алименты на содержание ребёнка, следовательно, не нуждаются и в формальном установлении того, кто именно является отцом ребёнка»¹⁶.

Таким образом, вместо отца государство должно было взять на себя заботу о поддержке одиноких матерей в воспитании внебрачных детей – через выплату пособий или воспитание детей в детдомах и домах ребёнка.

Третье. Хрущёв придавал большое значение усилению «побудительных» и, напротив, надзорных мер против любых практик, ведущих к уменьшению рождаемости¹⁷. Проект предусматривал усложнение процедуры развода, в том числе прохождение обязательной двухэтапной судебной процедуры, довольно высокую плату за развод, а также ужесточение наказания за неуплату алиментов. В справке также поднимался вопрос о важности введения уголовного наказания за незаконные аборты. По закону 1936 г. за первый аборт женщина должна была быть подвергнута общественному порицанию, а за последующие – выплатить штраф в размере до трёхсот рублей. Однако в справке говорилось, что это слишком мягкое наказание и что за первый аборт следует ввести тюремное заключение сроком до трёх лет, а за повторные – до пяти лет¹⁸.

В справке также предлагалось организовать дома отдыха для одиноких женщин, не имеющих возможности рожать по месту жительства, где они подвергались гонениям и испытывали общественное презрение, в результате чего были вынуждены прерывать беременность, а иногда идти на убийство рождённых младенцев. Специальные дома отдыха могли стать подходящим местом для восстановления здоровья и ухода за младенцами¹⁹. Проблема отношения окружающих к детям, рождённым вне брака, и их

¹⁵ ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 497: 186.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 497: 167.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 497: 164.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 497: 175-176.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 497: 169-170. Суть проекта заключалась не только в обеспечении благополучия женщин и детей, но и в надзоре за ними и их поведением и мерах по предотвращению абортов и детоубийств. Здесь полезно сравнить эту идею с существовавшими в Ирландии специальными домами для матерей и детей. Эти заведения были организованы католической церковью для приёма беременных женщин, не состоящих в браке. Часто их привозили родственники, которые стремились скрыть этот позорный для правоверной католички факт и защитить честь семьи. Такие учреждения, с одной стороны,

матерям также была учтена – проект предлагал ввести уголовную ответственность за унижение достоинства женщины²⁰.

Таким образом, по сравнению с другими проект Хрущёва был универсальным, широкоохватным – он предполагал участие в решении проблемы не только многодетных матерей (с семьёй и более детьми), но и всех граждан страны. Матери, имеющие трёх и более детей, должны были получать льготы за свой вклад в воспроизводство населения. Бездетные же мужчины и женщины, а также семьи с одним ребёнком обязаны были платить налог, средства от которого направлялись бы на поддержку семей, воспитывающих более двух детей, или на поддержку детдомов и домов ребёнка.

Чтобы осуществлять такую политику, требовались фундаментальные изменения семейного законодательства относительно положения женщин, не состоящих в браке, и родившихся вне брака детей. Согласно действовавшему до войны «Кодексу об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» от 1918 г. все дети имели одинаковые права независимо от статуса их родителей. «Кодекс законов о браке, семье и опеке» от 1926 г. признавал фактический брак без должной регистрации, благодаря чему мать могла требовать алименты от биологического отца и утверждать, что её ребёнок был рожден в результате фактических брачных отношений, и указывать отцовство независимо от того, какой период времени она находилась вместе со своим партнёром (Schlesinger 1949: 33-40, 154-168). Как правило, суды часто становились на сторону матери, признавая указанного ею партнёра отцом ребёнка, и доказать обратное мужчине было достаточно сложно (Goldman 1993: 133-143, 171-176, 297-304). Проект же Хрущёва признавал только зарегистрированный брак, что по сути являлось возвращением к дореволюционному семейному законодательству. В нём практически восстанавливались такие социальные понятия, как «мать-одиночка», «незаконнорождённый ребёнок» или «ребёнок, рождённый без отца» – категории, исчезнувшие после революции.

По Хрущёву, репродуктивная деятельность являлась обязательной для всех граждан, однако характер участия в ней зависел от гендерной принадлежности: женщина должна была иметь двоих и более детей, в противном случае (т. е. бездетная или с одним ребёнком) она должна была платить налог (независимо от своего семейного положения, т. е. состоя или не состоя в браке). Проект значительно менял положение женщины: забеременевшая, но не родившая ребёнка, женщина подлежала уголовному наказанию с лишением свободы.

Мужчине в идеале полагалось состоять в законном браке и иметь более двух детей или платить налог. При этом желательно, чтобы у него появлялись дети и от сторонних связей, – от ответственности за таких внебрачных детей и от уплаты алиментов он освобождался. Как мы уже сказали, по мысли Хрущёва, государство должно было выдавать одиноким матерям пособия вместо алиментов.

Внебрачный ребёнок не мог получить отчество настоящего отца, а также не мог быть зарегистрирован на его фамилию.

становились приютом для матерей и детей, с другой – имели надзорную функцию по предотвращению самоубийств, аборт и детоубийства. Об истории ирландских домов для матерей и детей см. (Smith 2004).

²⁰ ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 497: 178-179.

Всё это говорит о том, что целью проекта было поощрение как законных, так и незаконных супружеских отношений для скорейшего подъёма рождаемости. В результате такого изменения законодательства советский мужчина оказывался в ситуации двойной морали: с одной стороны, он должен был быть ответственным семьянином. С другой стороны, «на стороне» можно было вести себя свободно и безответственно, а государство брало на себя заботы о матери-одиночке вместо отца, что прежде всего создавало весьма выгодное положение для мужчины и в большей степени учитывало его интересы.

Что касается интересов женщин, то предполагалось, что, получая поддержку от государства, они будут с удовольствием рожать двух и более детей независимо от своего семейного положения и правового статуса ребёнка. Они тоже могли отдать ребёнка в детское учреждение в любое время. Прогнозов относительно того, как отнесется большинство женщин к подобному правовому статусу ребёнка и какое влияние окажет этот Указ на замужних женщин, в справке не содержалось.

Переработка Проекта и усовершенствование Указа от 8 июля 1944 года

В целом проект Хрущёва был одобрен и стал основой нового Указа от 8 июля 1944 г. Однако в процессе подготовки он был подвергнут значительной переработке. В архивах сохранились документы о том, как Молотов разослал проект Хрущёва в различные инстанции и ведомства, в том числе в Наркомфин, ЦСУ и Наркомздрав. Именно на основе рекомендаций, поступивших от различных органов, он далее перерабатывался²¹.

Отметим четыре наиболее значительных изменения, внесённых в Указ и важных с точки зрения репродуктивной политики государства²².

Первое. По сравнению с проектом Хрущёва размеры пособия одиноким матерям были значительно урезаны. Хрущёв предлагал ежемесячно выплачивать 150 руб. на одного ребёнка, 225 руб. на двух и 300 руб. на трёх и более детей²³. Эти суммы примерно соответствовали размерам алиментов, которые получала бы одинокая мать согласно довоенному законодательству. В своих расчётах Хрущёв исходил из среднемесячной суммы оклада в размере 600 руб. Этот момент был крайне важен для обоснования необходимости изменения законодательства. Однако после неоднократных обсуждений предложенные Хрущёвым суммы в Указе 1944 г. были уменьшены на треть и составили 100 руб. на одного ребёнка, 150 на двух и 200 на трёх и более детей²⁴.

Таким образом, это была лишь частичная государственная компенсация от предполагаемой суммы алиментов. Кроме того, 25 ноября 1947 г. вышел новый указ «О размере государственного пособия многодетным и одиноким матерям», где размеры пособий были ещё более сокращены. Теперь на одного ребёнка полагалось 50 руб., на двух – 75, на трёх и более – 100 руб. Эта мера объяснялась следующим образом: «В настоящее время, когда народное хозяйство страны находится на подъёме, курс рубля укрепился и его

²¹ ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 497: 184.

²² Более подробный анализ см. (Nakachi 2006).

²³ ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 497: 185.

²⁴ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства». Указ от 8 июля 1944 г. (Сборник законов 1968: 409-417).

покупательная способность значительно поднялась, было бы несправедливым сохранять без изменения увеличенные размеры пособий военного времени и следовало бы уменьшить эти размеры пособий матерям по крайней мере наполовину»²⁵. В результате от предложенной первоначально суммы оставалась только третья часть.

Второе изменение, внесённое в текст Указа: установление законченной иерархии взрослых граждан в соответствии с их репродуктивным вкладом. Здесь была развита идея Хрущёва о всеобщем участии в воспроизводстве населения, чем объяснялось требование введения налога на малодетных индивидов. После некоторой доработки Указом вводились новые награды: медаль Материнства, орден Материнской славы и почётное звание Матери-героини, – что по сути и символизировало своеобразную иерархическую систему, при которой каждое очередное рождение, начиная с первого, приносило «поощрение».

Сравним содержание проекта Хрущёва и Указа. В проекте Хрущёва предлагалось взимать налог с бездетных граждан и семей с одним ребёнком. Указом устанавливалась выплата налога гражданами с двумя детьми. При этом для бездетных его размер составлял 6% общего дохода, для граждан с одним ребёнком – 1%, с двумя – половину процента. Таким образом, при сохранении идеи Хрущёва о том, что для обеспечения воспроизводства населения советская семья должна иметь не менее трёх детей, налогообложение распространялось теперь и на новую категорию – семьи с двумя детьми.

Семьям с тремя детьми полагалось единовременное пособие в размере 400 руб.; начиная с четвёртого ребёнка – единовременное пособие и также ежемесячные выплаты; начиная с пятого ребёнка, помимо выплат, полагались награды. За пятерых детей присуждалась медаль Материнства II степени, за шестерых – I степени. За семерых, восьмерых, девятерых детей полагались ордена «Материнская слава» I, II и III степени. При рождении десятого ребёнка женщине присуждалось почётное звание «Мать-героиня». То есть новая система предусматривала новое поощрение на каждого очередного ребёнка.

Третье значительное изменение касается мер по защите достоинства одиноких матерей. Как мы уже сказали, в проекте Хрущёва предлагалось ввести уголовную ответственность за оскорбление одинокой матери на основании того, что каждый гражданин должен осознавать свою ответственность за воспроизводство населения.

В Указ 1944 г. эта мера включена не была. Фраза о том, что дальнейшее расширение мероприятий государственной помощи нужны для ускорения воспроизводства населения, была вычеркнута, вероятно, Молотовым, и заменена фразой «когда для многих семей имеются более значительные материальные затруднения»²⁶. Это можно объяснить тем, что советское руководство старалось избегать прямых утверждений об откровенно пронаталистском характере Указа и прямой поддержке одиноких матерей.

Четвёртое изменение касается поправок в проект Хрущёва, внесенных на основе рекомендаций со стороны различных государственных структур. Так, Наркомздрав рекомендовал сократить срок лишения свободы для женщин за аборт. Это ведомство

²⁵ «О размере государственного пособия многодетным и одиноким матерям». Указ от 25 ноября 1947 г. (Сборник законов 1968: 418-419).

²⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 387: 98.

также рекомендовало разрешить регистрацию внебрачного ребёнка на имя биологического отца по желанию отца и с согласия матери²⁷. В результате первая рекомендация относительно уголовной ответственности была принята и Указ 1944 г. не предусматривал тюремного срока за аборт. Вторая рекомендация была отклонена.

Наконец, отметим немаловажный момент в дискуссии по содержанию Указа. Оценив стоимость осуществления новых мер на основе статистических данных, ЦСУ и Наркомфин активно настаивали на урезании расходов, к примеру, предлагая уменьшить поддержку для проживающих в сельской местности относительно городских жителей. На последнем этапе подготовки Указа от этой идеи отказались по инициативе Сталина, который отверг три варианта предложений по этому пункту²⁸. В архивных материалах нет документов, которые объясняли бы нам его мотивы. Мы можем лишь предположить, что, возможно, Сталин опасался возможного оттока женского населения из деревень в города.

Указ 1944 г. содержал идею Хрущёва о поддержке внебрачных отношений, освобождении мужчин от ответственности за внебрачных детей и наличии трёх детей как нормы для советской семьи. С другой стороны, в текст Указа были внесены серьёзные изменения, включая сокращение размеров пособия для одиноких матерей, в результате чего оно совсем не компенсировало алименты от биологического отца. Можно утверждать, что в Указе частично нашла своё воплощение теория Александры Коллонтай о «свободной любви» при социализме. Как известно, согласно этой концепции, семья в коммунистическом обществе отмирает, сексуальные потребности могут быть легко удовлетворяться как мужчиной, так и женщиной, а заботы о воспитании детей берет на себя государство. Коллонтай продвигала идею создания общего фонда из налоговых средств граждан для финансирования детских учреждений и одиноких матерей. Она считала, что, получая государственные пособия, одинокие матери не будут требовать алиментов от отцов (Goldman 1993: 250).

Указ 1944 г. предоставлял возможность мужчинам вступать в связи с любыми женщинами в любое время, не боясь дальнейшей ответственности. Однако в условиях, когда власть не готова обеспечить женщину достаточной материальной помощью и доступом к безопасным абортam, и отсутствуют качественные противозачаточные средства, подобная свобода любви в массовой практике невозможна.

Влияние Указа на семью, гендерные отношения и репродуктивное поведение

Какое влияние оказал Указ на семейную жизнь в послевоенном СССР? Успешной ли была попытка стимулирования рождаемости? Для количественной оценки необходим серьёзный демографический анализ. Пока у нас нет таких данных, поэтому отметим в данной статье два малоизученных аспекта проблемы последствий принятия этого документа.

²⁷ ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 493: 48-49.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 387: 114, 131, 149.

Первое. Послевоенный рост рождаемости, «бэби-бум», компенсировавший убыток населения от войны, произошел бы в СССР и без принятия новой политики, хотя процесс этот был значительно слабее по сравнению с другими странами (Вишневецкий 2006: 164)²⁹.

Второе. За период с 1945 по 1968 г. в СССР родилось более 15 млн внебрачных детей (Тольц 2014: 161; Вишевский 2016: 21). Но это нельзя считать прямым следствием принятия новых мер: женщины рожали бы детей в незарегистрированном браке и без введения новой государственной политики. Более логично предположить, что при прежнем положении таких детей рождалось бы больше, поскольку довоенный семейный закон признавал фактический (незарегистрированный) брак, и дети в таких союзах не считались бы внебрачными.

Эта логика небезосновательна. Отметим, что доля родившихся внебрачных детей не достигла показателей, прогнозируемых директором ЦСУ того времени В.Н. Старовским, который в мае 1944 г. сообщил, что до войны 15-20% общих рождённых родились в фактическом браке, и дал прогноз, что доля внебрачных детей в послевоенном СССР составит 25%³⁰. На деле, за исключением показателей для городов в 1945 и 1946 г., в целом по стране ожидаемые 25% никогда не были достигнуты³¹. С учетом ухудшения количественного соотношения между мужским и женским населением после войны этот факт говорит о том, что в этот период в относительном измерении женщины рожали в незарегистрированном браке реже, чем до войны.

Однако в 1954 г. в честь десятилетия принятия Указа Старовский представил председателю Совмина Маленкову отчёт, в котором говорилось, что после принятия Указа число внебрачных детей значительно выросло, но в то же время новая политика способствовала укреплению советской семьи. В отчёте отмечалось, что по сравнению с довоенным периодом число заключённых браков росло, а разводов оставалось на низком уровне, что подтверждает эффективность принятых мер. На деле, как мы уже говорили, количество разводов оставалось небольшим отчасти из-за сложности процедуры, и реальная статистика прекращения брачных отношений (если бы она существовала), показала бы растущее число распавшихся семей.

Даже предположив, что Указ послужил стимулом роста внебрачной рождаемости, правомерно ли считать это успехом политики властей? Здесь важно учитывать и качественные условия жизни, поэтому в следующей части статьи рассмотрим влияние этой политики на качество жизни женщин и детей на основе двух факторов: 1) благополучие женщин и детей и устойчивость семьи; 2) принятие женщинами решения о сохранении или прерывании беременности.

1) Благополучие женщин и детей и устойчивость семьи

В качестве одной из целей принятия Указа было обозначено укрепление семьи и поддержка женщин и детей. Анализ послевоенных архивных материалов показывает, что многие женщины и дети жили в неблагоприятной моральной обстановке и плохих материальных условиях. Эту проблему в конце сороковых годов исследовала партийный

²⁹ В российском случае, видимо, голод 1946-1947 гг. также способствовал откладыванию на пару лет послевоенного компенсаторного роста рождаемости (Андреев, Дарский, Харькова 1998: 144).

³⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 387: 93.

³¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2638: 76-78.

деятель А. Абрамова, которая изучала условия жизни женщин после войны с участием таких ведомств, как Минздрав, ВЦСПС и ЗАГС, и пришла к выводу, что новое законодательство усугубило ситуацию. Часто женщины беременели, считая, что это верный путь к замужеству и созданию семьи. Однако, узнав о беременности партнёрши, мужчины зачастую просто прекращали с ними отношения, и в этот период резко выросло число детей-отказников, поступавших в детские дома и дома ребёнка, куда матери могли их сдать бесплатно и без очереди³².

Многие женщины становились беременными не из-за собственного легкомыслия, но будучи жертвами обмана мужчин. Когда с рождением ребёнка отношения с партнером прекращались, матери-одиночке нередко было не под силу его воспитание. Однако и сдача его в детское учреждение не была хорошим выходом. В 1946 г. в детские учреждения были сданы 20 тыс. детей в возрасте до одного года, в 1947 – 35 тыс.; при этом многие дети умирали (из числа отданных умерло 33% в 1946 г. и 44% – в 1947 г.). А «мужички-мотыльки», бросив беременную женщину, продолжали «ходить в парнях»³³.

Новое пособие также не стало стимулом к воспитанию ребёнка в одиночку. Многие матери-одиночки вообще отказывались от получения пособия, поскольку не хотели проходить регулярные унижительные проверки со стороны милиции. Абрамова прямо написала: «Закон о матерях-одиночках в некоторых пунктах содержит не поддержку, а прямые оскорбления матери-одиночки и ее родившегося ребёнка. Это, видимо, объясняется тем, что товарищи, подготавливавшие этот Указ, недобросовестно отнеслись к такому важному вопросу, затрагивающему десятки сотен тысяч женщин.»³⁴ Абрамова предложила внести ряд изменений в Указ и связанные с ним процедуры: повысить налог на бездетность для мужчин до 50% от заработка в целях усиления поддержки одиноких матерей, прекратить милицейские проверки, разрешить записывать родившихся внебрачных детей в свидетельстве о рождении на имя отца.

Статус матери-одиночки был нежелателен и экономически, и юридически, и женщины старались избегать этой судьбы. В свою очередь, мужчины оказывались в ситуации двойной морали, что влияло не только на ситуацию со связями «на стороне», но и на рождаемость как в законной семье, так и вне брака. В судебных архивах хранится много заявлений о расторжении брака, поданных мужчинами, которые стремились вступить в брак с новой партнёршей (часто беременной) и рассчитывали на то, что, согласно новому законодательству, они найдут поддержку. Как правило, развестись сразу было невозможно из-за новой сложной процедуры развода и её высокой стоимости. Нетрудно представить, что многие всё равно жили с новой партнёршей, а семью, созданную до войны, оставляли. То есть говорить об устойчивости советской семьи в начавшийся послевоенный период весьма сложно, а официальный статус брака часто не отражал действительного положения вещей.

³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 255: 49-56. Доклад А. Абрамовой нёс в себе «антимужской» дух семейного дискурса, наблюдавшегося в конце 1930-х (Fitzpatrick 1999: 143). На самом деле вполне вероятно, что некоторые женщины были вовлечены в случайные сексуальные отношения, о чём в докладе Абрамовой ничего не говорится. Однако это никак не противоречит основному тезису данного исследования, что закон 1944 г. ухудшил положение незамужних женщин в юридическом и экономическом отношении по сравнению с семейным законодательством, действовавшим в 1930-х годах.

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 255: 49.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 255: 51.

Количество зарегистрированных статистикой разводов в это время было небольшим, но в реальности стабильность брачных отношений была только на бумаге. На деле фактические брачные отношения без официальной регистрации были распространенным явлением, а предыдущие семьи этих людей распались. При этом бывали случаи, когда и новая неофициальная семья существовала недолго, так как мужчина находил следующую партнершу (Nakachi 2021: ch. 3).

Таким образом, Указ не способствовал укреплению семьи и родившиеся 15 млн внебрачных детей не являются стопроцентным свидетельством его положительного влияния, поскольку такие дети страдали от повышенной смертности, вместе со своими матерями они попадали в тяжелую жизненную ситуацию. После войны имевшие детей женщины оказались в одиночестве реально или формально по нескольким причинам: в результате гибели мужа на войне, из-за появления у мужа другой семьи, будучи вынужденными жить в незарегистрированном браке или оставшись в одиночестве после предательства партнера. В созданном Указом социальном ландшафте было много путей к одиночеству.

2) Принятие женщинами решения о сохранении или прерывании беременности

Все эти обстоятельства (трудное материальное положение в послевоенный период, неустойчивость семейных отношений, недостаточная помощь и поддержка женщин и детей со стороны государства), несомненно, оказывали влияние на решение женщин о сохранении или прерывании беременности. Самые очевидные факты выявил опрос Минздрава, проведенный в конце сороковых годов среди женщин, обращавшихся в медучреждения после неудачных подпольных абортов^{35,36}.

Во время войны количество абортов в стране упало, так как мужское население в массе участвовало в военных действиях и супружеские отношения не поддерживались. После демобилизации количество зачатий возросло вместе с количеством абортов. В 1947 г. на каждые 100 родившихся детей приходилось 23,8 аборта, в 1948 г. – 43,5³⁷. Послевоенные материальные условия, особенно в период голода 1946-1947 гг., оставляли желать лучшего, и неудивительно, что многие женщины не хотели заводить детей³⁸. Однако, согласно результатам опроса Минздрава, главной причиной абортов женщины называли «неустойчивость семьи в различных формах» (45,7%), на втором месте были «плохие жилищные условия» (28,9%), при этом более 70% респонденток были замужем.

³⁵ Это исследование охватило несколько городов и областей. Общий размер выборки неизвестен. Мы знаем только, что в Саратове было опрошено 100 женщин.

³⁶ Результаты выборочного обследования абортов конца 1940-х годов так же, как и результаты исследования 1955 г. (о котором пойдет речь ниже), не получили освещения у Е.А. Садвокасовой в её наиболее авторитетной работе советского времени по данному вопросу (Садвокасова 1969). Причина игнорирования неясна, но мы вполне можем предположить, что М. Ковригина и возглавляемый ею Минздрав намеренно скрывали от глаз общественности дискуссию о праве женщин на аборт. Именно результаты этих малоизвестных обследований послужили ключевыми источниками, которые помогли автору в появлении идеи собственного исследования. В моей работе показывается, как советские эксперты презентировали и использовали данные исследований не только, чтобы понять абортивную практику, но и как результаты исследований того времени влияли на формулирование государственной политики в отношении абортов (Nakachi 2021:130-137, 165).

³⁷ ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 22. Д. 128: 75.

³⁸ Этот аргумент приводит, к примеру, историк Н. Лебина, обсуждая признаки роста распространенности абортов в послевоенном Ленинграде (Лебина 2016: 265).

В понятие «неустойчивость семьи» включаются такие факторы, как наличие у мужа второй семьи, незарегистрированный брак, плохие отношения с мужем и др.³⁹. На плохие материальные условия приходилось только 6,7%⁴⁰. Эти результаты отличались от результатов сходных опросов, проведенных Наркомздравом в 1926 и в середине 1930-х годов. В 1926 г. первое место среди ответов занимала нищета, в середине 1930-х годов – материальное положение (31%), на втором месте – большая семья (29%). На плохие семейные отношения пришлось только 8% (Goldman 1993: 276; Sigerist 1937: 267).

В то время как Минздрав проводил опрос среди женщин, Минюст изучал судебные дела, связанные с криминальными абортами. В уголовном кодексе РСФСР и других республик того времени была предусмотрена уголовная ответственность для следующих категорий лиц: 1) лица, производящие запрещенную операцию; 2) лица, подстрекающие к аборту; 3) беременные женщины, производящие аборт. Результаты исследования судебных документов показали, что к уголовной ответственности привлекались главным образом женщины, решившиеся на прерывание беременности, и в очень редких случаях – остальные участники ситуации. Причём прошедшие аборт женщины, как правило, имели одного или более детей. Значительная доля (41,2%) привлечённых к ответственности женщин были матерями-одиночками, но все-таки большинство (58,1%) были в зарегистрированном браке. Вдовы составляли 0,7 % от общего числа сделавших аборты⁴¹.

Информация о причинах проведения аборта в документах зачастую отсутствовала, а имеющаяся тщательно не анализировалась. К примеру, в отчёте из Свердловска говорилось, что в 49,6% из 306 случаев причиной было тяжелое материальное положение, в качестве второй причины указывались случайные связи (15,6%). Однако в рубрику «материальные трудности» включались такие случаи, как наличие других детей, «мужа нет», «с мужем разошлась» (или «муж бросил») и др.⁴²

В мае 1950 г. Коллегия Минюста провела совещание по результатам исследования с участием сотрудников Минздрава. В докладе отмечалась значительная доля матерей-одиночек и содержалось мнение о необходимости ужесточения наказания женщин за аборты. Участники совещания, считавшие несправедливой укоренившуюся практику наказания исключительно женщин, особенно матерей-одиночек, при полной безответственности мужчин, раскритиковали доклад. Один представитель Минюста заявила, что самой необходимой мерой является не ужесточение наказания для женщин, а изменение указа и усиление поддержки одиноких матерей.

Замминистра здравоохранения СССР М.Г. Ковригина также выступила с критикой существующей системы надзора за абортами, при которой к наказанию привлекались в основном сами забеременевшие женщины, хотя ответственность за эту ситуацию должны нести как женщины, так и мужчины. Ковригина высказала недоумение по поводу того, что мужчины избегали ответственности в отношениях с женщинами, когда причиной

³⁹ Детальную дискуссию по данному вопросу и обоснование нашего вывода, что именно неустойчивость семьи – главная причина аборта см. (Nakachi 2021: 130-137).

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 22. Д. 227: 317.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 648: 52.

⁴² ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 648: 53.

аборта очень часто являются «внутренние взаимоотношения семьи». «Почему муж не отвечает?» – задала она риторический вопрос⁴³.

В результате специалистами было установлено негативное влияние Указа как на материальные условия жизни одиноких матерей и их детей, так и на моральную сторону взаимоотношений полов и ответственность обоих родителей, а также на рождаемость. Отметим тот факт, что женщины-эксперты настаивали на несправедливости системы надзора с односторонней ответственностью.

Успешные и неудачные попытки реформ и пронаталистская семейная политика

Таким образом, уже к 1950 г. женщины, врачи, юристы и партийные деятели обсуждали проблемы Указа 1944 г. и его негативное влияние на устойчивость семьи, материальные условия и моральное положение одиноких матерей и их детей, здоровье женщин и рождаемость.

В дальнейшем, в пятидесятые годы, они совместно с представителями советской интеллигенции предпринимали попытки скорректировать Указ 1944 г. и повлиять на характер семейной политики в СССР. Различные предложения выдвигались еще при жизни Сталина, однако тогда они не были приняты. После его смерти в 1953 г. критика со стороны специалистов, представителей интеллигенции и самих женщин сразу усилилась. Затем возобновилась попытка реформировать политику в двух направлениях: корректировка Указа и расширение критериев для легальных аборт. В работе по корректировке Указа все активнее принимала участие советская общественность.

В 1954 г. в СССР началось новое общественное движение, инициированное «Литературной газетой», которая опубликовала статью журналистки Е. Серебровской о тяжелой ситуации с внебрачными детьми и одинокими матерями. В ней говорилось о большом разрыве между законодательством и действительностью, о том, что многие женщины поневоле становились матерями-одиночками, а дети не могли быть зарегистрированы на имя отца. Серебровская призывала создать условия, при которых все дети могли бы быть зарегистрированы на имя отца. В своих письмах читатели выразили широкую поддержку, и часто высказывалось мнение, что дети не должны отвечать за поведение своих родителей (Серебровская 1954).

Однако власти были не готовы менять законодательство. Прежде всего сам Хрущёв, который, будучи автором Указа, считал его эффективной мерой политики поощрения рождаемости, получая поддержку со стороны ЦСУ. 7 января 1955 г. Хрущёв, выступая на совещании комсомола в Большом театре, посвящённом освоению целины, заявил, что в настоящее время численность населения страны составляет 200 млн человек, но даже если оно достигнет трёхсот миллионов человек, этого тоже будет мало. Он сказал, что тот, кто не родит за свою жизнь более трёх детей, является безответственным гражданином, так как дети – будущая опора экономики и поддержка в старости⁴⁴.

⁴³ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 608: 247.

⁴⁴ Речь товарища Н.С. Хрущёва на собрании комсомольцев и молодежи г. Москвы, изъявивших желание поехать работать на целинные земли (1955). 7 января 1955 г. *Известия*, 8 января.

Общество, особенно его женская половина, уже не молчало. Женщины писали письма руководству страны с отзывами на выступление Хрущёва, о котором сообщали газеты. Так, педиатр Петрова из Свердловска писала Молотову, что побои, оскорбления и унижения вынуждают женщину сделать аборт. «Почему не спросить с отца за мораль семьи? Легко отцу найти новую жену, но невозможно детям найти отца»⁴⁵. Одна читательница из Саратова писала: у неё четверо детей, и она не хотела рожать пятого ребёнка, однако комиссия не дала ей разрешения на аборт. Она сама не хотела решаться на подпольный аборт, боясь оставить своих детей сиротами, но и рожать не могла. Другая женщина из Баку пишет: у неё двое детей, и младшему только 6 месяцев. Забеременев вновь, она не хотела рожать третьего ребёнка, но ей было отказано в аборте. Она понимает проблемы государства, но, будучи молодой, ещё имеет перспективу в дальнейшем завести детей. Ещё одна женщина, имеющая грудного ребёнка, написала, что ей необходим отдых и «она не хочет играть роль машины, ежегодно производящей детей»⁴⁶.

В этих письмах чувствуется, что женщины хотели достичь понимания со стороны властей. Они говорили, что дело не только в неблагополучии женщин и детей, но и в рождаемости: они готовы «рожать детей для государства», но проблема в мужской стороне, поскольку мужчины не хотят регистрировать детей на своё имя, считая, что о них должно заботиться государство. По мнению женщин, в Указ 1944 г. нужно внести поправки об усилении ответственности мужчин, что это будет способствовать подъёму рождаемости⁴⁷. Таким образом, если государство не признавало взаимосвязи между принятым после войны Указом и ситуацией с абортами и рождаемостью, то женщины видели в этом прямую связь и приводили свои доказательства. Однако власти эту позицию игнорировали. При сопротивлении «сверху» процесс обсуждения и пересмотра Указа сошел на нет.

В этих условиях врачи со своей стороны пытались изменить ситуацию с абортами, чтобы облегчить положение женщин⁴⁸. В 1954 г. занявшая пост министра здравоохранения СССР М. Ковригина сыграла большую роль в решении вопроса отмены в августе этого года уголовной ответственности для женщин за нелегальные аборт. Неудивительно, что число зарегистрированных абортов после это выросло, быстро достигнув уровня 1935 г., т. е. последнего года перед тем, как аборт стал криминальным в 1936 г. Вероятно, возникшая ситуация подтолкнула к идее обследования 1955 г., охватившего 3242 женщин⁴⁹. Помимо других вопросов, обследование показало важность неустойчивых брачно-партнёрских отношений (включая их отсутствие) как причины криминальных абортов, в особенности

⁴⁵ ЦМАМЛС. Ф.218, Оп. 1. Д. 187: 5-6.

⁴⁶ ЦМАМЛС. Ф. 218. Оп. 1. Д. 187: 8-11.

⁴⁷ ЦМАМЛС. Ф. 218. Оп. 1. Д. 187: 12-17.

⁴⁸ Этот факт не дает основание предполагать, что гинекологи и акушеры всегда действовали в целях защиты персональных интересов женщины. Были случаи, когда они использовали женщин в своих интересах, например, делая незаконные аборт за большую плату или сообщая в прокуратуру о женщинах, подозреваемых в попытках аборт, в рамках своих обязанностей по наблюдению за абортами. В то же время их профессиональная позиция в целом требовала культивирования доверительных отношений с женщинами, потому как в противном случае женщины не стали бы приходить к ним в поисках медицинской помощи (Burton 2000; Nakachi 2013).

⁴⁹ Обследование 1955 г. было значительно менее крупным, чем более известное обследование 1958-1959 гг., охватившее 26 тыс. женщин, и которое легло в основу фундаментального исследования (Садвокасова 1969: 137).

среди незамужних матерей (86,2%), а также среди женщин, состоящих в неофициальных союзах (22,9%)⁵⁰.

Кроме того, в 1955 г. Минздрав составил отчёт об истории государственной политики против аборт в период с 1935 по 1954 г., в котором также приведен анализ ситуации в других странах. В конце отчета содержался вывод, что запрещение абортов никогда не приводило к успешным результатам, так как женщины сразу начинали искать незаконные пути прерывания беременности. В этом документе отмечался рост материнской смертности в пятидесятые годы, когда ежегодно умирало около 4 тыс. женщин. Кроме того, у многих возникали тяжёлые гинекологические последствия, приводившие к последующим тяжелым родам или бесплодию. Согласно оценке, приведённой в отчёте, одна треть гинекологических болезней была связана с абортами в прошлом⁵¹.

В августе 1955 г. в Минздраве состоялось совещание ведущих гинекологов и акушеров страны по вопросам политики в области абортов во главе с Ковригиной. На совещании обозначились две позиции: одна группа специалистов выступала за расширение перечня показаний, другая – за полную отмену запрета. В конце концов Ковригина проголосовала за отмену, объяснив это тем, что женщине нужно дать право самой решать, когда стать матерью.

Её мнение стало решающим для отмены запрета в 1955 г. Признание права женщин на аборт являлось крайне важным шагом, поскольку СССР стал первой страной в мире, легализовавшей аборты на основе исключительного права женщины самой решать вопрос о материнстве. На Западе это произошло только спустя полтора десятилетия в результате второй волны феминистского движения, и зачастую признание этого права не приводило к полной легализации искусственного аборта или легализация не становилось основой для признания этого права за женщиной⁵².

Однако, будучи опытной аппаратчицей, Ковригина понимала, что выражение «право женщин» не будет принято руководством, большинство которого составляли мужчины⁵³. Когда Ковригина представила предложения об отмене запрета на аборты в Совмин и ЦК КПСС в середине октября 1955 г., она ни словом не обмолвилась о праве женщин, а использовала логику пронатализма⁵⁴.

⁵⁰ Среди замужних женщин 14,6% ссылались на проблемы отношений с партнёром как причину аборта вслед за такими причинами, как плохие жилищные условия, плохие материальные условия и наличие маленького ребенка. ЦМАМЛС. Ф. 21. Оп. 1. Д. 187: 30-35.

⁵¹ ЦМАМЛС. Ф.218. Оп. 1. Д. 187: 48.

⁵² Например, в США, когда Верховный суд признал запрет абортов неконституционным и легализовал аборты в 1973 г., это было сделано на основании права женщин на личную жизнь. Для сравнительного анализа 10 стран, включая СССР, см. (Solinger, Nakachi 2016).

⁵³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 443: 162. Хотя решение не педалировать «право женщины» на аборт было умным, гибким и успешным политическим ходом по реализации его легализации, дальнейшее развитие советской политики в отношении абортов показывает, что оно наносило ущерб разработке более эффективных, безопасных и простых в использовании методов современного контроля рождаемости (Nakachi 2021: 197-203).

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 443: 162.

Её объяснение содержало следующие доводы:

- так как число зарегистрированных аборт в 1954 г. достигло уровня 1935 г., эта статистика свидетельствовала, что запрещение аборт неэффективно и нужен другой путь;
- большинство аборт в 1935 г. проводилось в санитарных условиях, а в 1954 г. – в неклинических антисанитарных. Неклинические аборт наносили непоправимый вред здоровью женщин и часто вызывали серьезные осложнения и даже смерть.

Так, с помощью медстатистики Ковригина смогла логически доказать, что запрещение аборт противоречит целям пронатализма. Совмин и ЦК КПСС приняли её логику, и запрещение аборт отменили 23 ноября 1955 г.

В отличие от законодательства в области аборт, принятие поправок к Указу по широкому кругу брачно-семейных отношений задержалось еще более чем на десять лет. После попытки Серебревской в 1954 г. интеллигенция вновь пытались мобилизовать общественное мнение. 9 октября 1956 г. в «Литературной газете» была опубликована статья за подписью С. Маршака, И. Эренбурга, Д. Шостаковича и педиатра Г. Сперанского «Это отвергнуто жизнью», положившая начало новой общественной кампании.

В 1962 г. С. Маршак, К. Чуковский, В. Каверин совместно с юристом А. Ваксбургом начали вторую общественную кампанию. Одновременно юристы пытались изменить Указ. В июле 1962 г. комиссия при Совете Союза и Совете Национальностей представила в ЦК новый законопроект, который несколько раз возвращали для переработки. Переработанный вариант был вновь передан в ЦК, после чего председатель комиссии Г.И. Воробьев объявил, что законопроект может быть опубликован до конца года. Однако этого не случилось и в 1964 г. (Juviler 1967: 40-41).

Почему затянулось принятие поправок к Указу? Здесь стоит отметить, что Минздрав разъяснял логику пронатализма для отмены запрета на аборт на основе статистики, в то время как юристы и интеллигенция в основном упирали на логику благополучия женщин и детей и не прибегали к демографическим аргументам. Власти не были готовы отменить Указ, поскольку были уверены, что он способствует росту рождаемости. Юристы же не могли представить демографический подход без детальной статистики и анализа семейной ситуации в стране.

Ситуация изменилась только после отставки Хрущёва: в 1965 г. процедура развода Указом Президиума Верховного Совета была значительно упрощена. За следующий год количество разводов резко возросло – фактически распавшиеся браки устремились регистрировать реальный статус, в том числе и в повторных союзах. В конце концов в 1968 г. были приняты «Основы законодательства СССР и союзных республик о браке и семье» (далее Основы), в которых были следующие изменения: при согласии биологического отца внебрачные дети могли быть зарегистрированы на его имя. В остальных случаях после принятия Основ, мать могла записать внебрачного ребёнка на свою фамилию и присвоить ему любое отчество для записи в графе «отец» в свидетельстве о рождении (Сборник законов СССР 1975: 277). Таким образом, у всех детей появилось имя отца, хотя в некоторых случаях оно все же было фиктивным.

Заключение

Качественный анализ послевоенной пронаталистской политики и её влияния на семейную ситуацию и развитие гендерных отношений показывает, что, хотя для ускорения подъёма рождаемости власти должны были прежде всего защищать интересы и благосостояние женщин, они скорее были склонны защищать мужские интересы. В результате брачно-семейные связи на деле скорее ослаблялись, чем усиливались, и многие женщины, независимо от своего семейного статуса (т. е. и в зарегистрированных, и в незарегистрированных союзах) отказывались от рождения второго и последующих детей и решались на небезопасные подпольные аборты. При обнаружении данного факта они подвергались уголовному преследованию гораздо чаще, чем врачи или тот, кто заставил их сделать аборт. Многие женщины, родившие внебрачных детей и не имевшие возможности воспитывать их в одиночку, сдавали их в детские учреждения, в которых дети часто росли нездоровыми или вообще погибали. Матери-одиночки страдали от тяжелого материального положения, оскорблений и страха от того, что когда-то ребёнок обязательно спросит, почему у него нет отца.

Можно ли назвать введение действие Указа 1944 г. успехом советской власти? Чего достигла эта семейная политика? Данная статья подвергает сомнению ее успешность.

«Внебрачные» дети, рожденные после войны, согласно предвоенному семейному закону были бы рождены в фактическом браке, имели бы имя отца в свидетельстве о рождении и одинаковые права с другими детьми. Их матери не попадали бы в разряд матерей-одиночек. Кроме того, при количественном анализе необходимо учитывать число абортов, на которые женщины были вынуждены идти из-за неустойчивости отношений с мужем или партнером после принятия закона 1944 г. Наибольшее значение для серьезной оценки Указа имеет качественный анализ его результатов, который показывает долгосрочное негативное влияние на благосостояние женщин и детей, на гендерные отношения и на рождаемость.

Литература

- Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. (1998). *Демографическая история Российской Федерации, 1927-1959*. М.: Информатика.
- Вишневский А.Г. (2016). Демографические последствия Великой Отечественной войны. *Демографическое обозрение*, 3(2), 3-42. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i2.1752>
- Вишневский А.Г., Денисов Б.П., Сакевич В.И. (2017). Контрацептивная революция в России». *Демографическое обозрение*, 4(1), 5-34. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i1.6986>
- Вишневский А.Г., Захаров С.В. (2010). Что знает и чего не знает российская демографическая статистика. *Вопросы статистики*, 2, 7-17.
- Вишневский А.Г., Сакевич В.И., Денисов Б.П. (2016). Запрет аборта: освежите вашу память. *Демоскоп Weekly*, 707-708. <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0707/tema01.php>
- Вишневский А.Г. (Ред.) (2006). *Демографическая модернизация России, 1900-2000*. М.: Новое издательство.
- Денисов Б.П., Сакевич В.И. (2014). Очерк истории контроля рождаемости в России: блуждающая демографическая политика. В Денисенко М.Б., Елизаров В.В. (Ред.).

- Развитие населения и демографическая политика. Памяти А.Я. Кваши* (Серия "Демографические исследования", вып. 23) (сс.186-208). М.: МАКС Пресс.
- Здравомыслова Е., Тёмкина А. (Ред.) (2009). *Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине*. СПб: Европейский университет в Санкт-Петербурге.
- Зубкова Е. (2010). Преодоление войны-преодоление победы: советская повседневность и стратегии выживания (1945-1953) В Б. Физелер, Н. Муан (Ред.) *Победители и побежденные. От войны к миру: СССР, Франция, Великобритания, Германия, США (1941-1950)* (сс.14-28). М.: РОССПЭН.
- Ивкин В.И. (1999). *Государственная власть СССР: Высшие органы власти и управления и их руководители, 1923-1991*. М.: РОССПЭН.
- Лебина Н. (2016). *Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю*. М.: Новое литературное обозрение.
- Садвокасова Е.А. (1969). *Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи*. М.: Медицина.
- Серебровская Е. (1954). Жизнь вносит поправку. *Литературная газета*, 16 января 1954 г.
- Сборник законов СССР (1968). *Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938-1967*, т. 2. М.: Изд-во Советов депутатов трудящихся СССР.
- Сборник законов СССР (1975). *Сборник законов СССР и указов президиума Верховного Совета СССР, 1938-1975*, т. 3. М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР.
- Сифман Р.И. (1974). *Динамика рождаемости в СССР*. М.: Статистика.
- Сонин М.Я. (1967). Снова об алиментах? Да! *Литературная газета*, 4, 2.
- Тольц М. (2014). От абортного термидора к законодательному либерализму. Политика в области брачно-семейных отношений как зеркало истории СССР. В Денисенко М.Б., Елизаров В.В. (Ред.). *Развитие населения и демографическая политика. Памяти А.Я. Кваши* (Серия "Демографические исследования", вып. 23) (сс.157-169). М.: МАКС Пресс.
- Avdeev A. Blum A., Troitskaia I. (1995). The History of Abortion Statistics in Russia and the USSR from 1900 to 1991. *Population: An English Selection*, 7.
- Burton C. (2000). Minzdrav, Soviet Doctors, and the Policing of Reproduction in the Late Stalinist Years. *Russian History* 27(2), 197-221.
- David H.P., Popov A.A. (1999). Russian Federation and USSR Successor States. In H.P. David with the assistance of J. Skilogianis (Eds). *From Abortion to Contraception: A Resource to Public Policies and Reproductive Behavior in Central and Eastern Europe from 1917 to the Present* (pp. 223-278). Westport, CT.: Greenwood Press.
- Fitzpatrick S. (1999). *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times, Soviet Russia in the 1930s*. New York: Oxford University Press.
- Goldman W. (1993). *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917-1936*. New York: Cambridge University Press.

- Juviler P.H. (1967). Family Reforms on the Road to Communism. In P.H. Juviler, H.W. Morton (Eds.). *Soviet Policy- Making: Studies of Communism in Transition* (pp. 29-60). New York: Frederick A. Praeger.
- Nakachi M. (2006). N. S. Khrushchev and the 1944 Soviet Family Law: Politics, Reproduction, and Language. *East European Politics and Societies*, 201, 40-68.
- Nakachi M. (2011). Gender, Marriage, and Reproduction in the Postwar Soviet Union. In G. Alexopolous, K. Tomoff, J. Hessler. (Eds.). *Writing the Stalin Era: Sheila Fitzpatrick and Soviet Historiography* (pp. 101-116). New York: Palgrave Macmillan.
- Nakachi M. (2013). Abortion is Killing Us: The Postwar Dilemma of Women's Medicine. In F. Bernstein, Ch. Burton, D. Healey (Eds.). *The Science, Culture, and Practice of Soviet Medicine*. DeKalb (Illinois): Northern Illinois University Press.
- Nakachi M. (2016). Liberation without Contraception? The Rise of the Abortion Empire and Pronatalism in Socialist and Postsocialist Russia. In R. Solinger and M. Nakachi (Eds.). *Reproductive States: Global Perspectives on the Invention and Implementation of Population Policy*. New York: Oxford University Press.
<https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199311071.003.0010>
- Nakachi M. (2021). *Replacing the Dead: The Politics of Reproduction in the Postwar Soviet Union*. New York: University of Oxford Press.
- Sakevich V.I., Denisov B.P. (2014). *Birth Control in Russia: Overcoming the State System Resistance*. Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 42/SOC/2014.
- Scherbov S., van Vianen H. (1999). Marital and Fertility Careers of Russian Women Born between 1910 and 1934. *Population and Development Review*, 25(1), 129-143.
- Scherbov S., van Vianen H. (2002). Period Fertility in Russia since 1930: an application of the Coale-Trussell fertility model. *Demographic research*, 6 (Article 16), 455–470.
- Schlesinger R. (Ed.) (1949). *The Family in the USSR: Documents and Readings*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Sigerist H.E. (1937). *Socialized Medicine in the Soviet Union*. London: Victor Gollancz.
- Smith J.M. (2004). The Politics of Sexual Knowledge: The Origins of Ireland's Containment Culture and the Carrigan Report (1931). *Journal of the History of Sexuality*, 13(2), 208-233
- Solinger R., Nakachi M. (Eds.) (2016). *Reproductive States: Global Perspectives on the Invention and Implementation of Population Policy*. New York: Oxford University Press.